

Пётр **ЧЕРКАСОВ**,
доктор исторических наук

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ НА ФРАНЦУЗСКОЙ ЗЕМЛЕ

Полтора века русскому храму в Париже

В последних числах февраля 1859 года русские подданные, в силу разных причин находившиеся в Париже, получили из российского посольства извещение следующего содержания: «Состоящий при Императорском Российском Посольстве Комитет построения Православной Русской церкви в Париже имеет честь уведомить, что закладка сей церкви будет после обедни 19 февраля/3 марта сего года в день Восшествия на престол Государя Императора. Посольство будет в мундирах»¹.

Аналогичное уведомление было разослано и в некоторые правительственные учреждения Второй империи, а также по адресам тех французов, кого в русском посольстве считали друзьями. В указанный день, по окончании литургии и молебна, отслуженных протоиереем Иосифом Васильевым, настоятелем русской посольской церкви, был заложен первый камень в основание будущего кафедрального Свято-Александрo-Невского собора.

Два с половиной года спустя, 30 августа (11 сентября) 1861 года, прибывший из Санкт-Петербурга по высочайшему повелению преосвященный Леонтий, архиепископ Ревельский, освятил в Париже храм, возведённый неподалёку от Триумфальной арки, на Rue de la Croix-Barrière du Roule. Впоследствии улица будет переименована в честь главного интенданта наполеоновской армии графа Дарю.

За истекшие 150 лет в Свято-Александрo-Невском приходе произошло великое множество памятных событий. Его посещали два российских императора — Александр II и Николай II. Прихожанами храма были вожди Белого движения и русской эмиграции. Здесь отпевали Ивана Тургенева и Фёдора Шляпина, Василия Кандинского и Ивана Бунина, Андрея Тарковского и Булата Окуджаву. Здесь в июле 1918 года Пабло Пикассо венчался по православному обряду с балериной Ольгой Хохловой. До сих пор здесь венчаются потомки эмигрантов первой волны. А в последние годы и у многих молодых россиян возникла своеобразная «мода» венчаться именно здесь, а не у себя на родине. Одним словом, за полтора столетия Свято-Александрo-Невский приход стал широко известен далеко за пределами Парижа и даже Франции.

В нашей публикации речь пойдёт об обстоятельствах возникновения этого первого очага русского православия на земле Франции², как они отразились в документах, обнаруженных в фонде «Российское посольство в Париже 1801–1924 гг.» Архива внешней политики Российской империи.

Свято-Александрo-Невский храм в год его основания.

* * *

Идея о необходимости строительства православного храма в Париже неоднократно высказывалась русскими дипломатами, работавшими в столице Франции. Со времени установления дипломатических отношений между Петербургом и Парижем в начале XVIII века довольно остро стоял вопрос о посольской церкви, которая в течение многих десятилетий ютилась в непригодных для богослужений помещениях, которые, ко всему прочему, неоднократно менялись с переездами самого посольства³.

Проблема обострялась по мере того, как в Париже, особенно в XIX столетии, увеличивалось количество состоятельных русских, предпочитавших проводить здесь часть своей жизни, а также добровольных и вынужденных эмигрантов, по разным причинам не поладивших с царским правительством. Всем этим людям из-за тесноты посольской церкви крайне затруднительно было посещать богослужения.

Следует признать, что Святейший Синод долгое время не склонен был разделять озабоченность российского посольства недостаточным духовным окормлением соотечественников, оказавшихся во Франции, и проявлял в этом деле трудно объяснимую пассивность.

С другой стороны, планы учреждения в Париже постоянного православного прихода, по понятным причинам, не вызвали энтузиазма у верхушки католического духовенства, оказывавшего соответствующее давление на французское правительство. Российское посольство неоднократно делало официальные запросы на Кэ д'Орсэ относительно возможности возведения православного храма в Париже, но неизменно получало уклончивый ответ — ни да, ни нет. Так было и в период Реставрации Бурбонов, и в эпоху либеральной Июльской монархии Луи Филиппа. «При предыдущих царствованиях постоянно отвергали ходатайство наше»⁴, — констатировал в сентябре 1861 года граф Павел Дмитриевич Киселёв, посол России во Франции, в письме министру иностранных дел князю Александру Михайловичу Горчакову.

Положение изменилось при императоре французов Наполеоне III. Получив полное удовлетворение от результатов Крымской войны, где Франция, по его мнению, взяла моральный реванш за унижения 1812–1815 годов, он ещё до подписания Парижского мира чётко обозначил своё намерение сблизиться с Россией, где в феврале 1855-го на престол взойшёл царь-реформатор Александр II. Это намерение, среди прочего, проявилось и в отношении к вопросу о строительстве русского православного храма в Париже. «Император Наполеон, — писал граф Киселёв, — в угождении Государю Императору [Александру Николаевичу] преодолел затруднения, возникавшие от католического духовенства, и по изъявлении на то согласия Французского Правительства, приступлено было к работам»⁵.

Следует отметить поистине выдающуюся роль, которую сыграл в этом деле упоминавшийся настоятель посольской церкви отец Иосиф Васильев, делавший всё мыслимое и немыслимое для преодоления инертности русской и французской бюрократий, оказавшихся удивительно похожими по части формализма и неповоротливости. Причисленный к парижскому посольству ещё в 1846 году отец Иосиф, обременённый большой семьёй из восьми детей и получавший более чем скромное жалование, не жалел сил для оказания духовной помощи всем страждущим и нуждающимся. В годы Крымской войны и по её окончании он был единственным, кто духовно поддерживал сотни русских военнопленных, перевезённых из Крыма во Францию. Замечательная личность священника, 22 года прослужившего в Париже⁶, заслуживает отдельного разговора⁷.

Многолетние усилия о. Иосифа, энергично поддержанные временным поверенным в делах России при дворе Наполеона III бароном Ф. И. Брунновым, а затем послом графом Киселёвым, увенчались успехом в 1857-м, когда МИД Франции дал принципиальное согласие на сооружение православной церкви в Париже. С самого начала она мыслилась как храм при российском посольстве во Франции, который могли посещать все православные.

Тогда же, в 1857 году, за 300 000 франков (75 000 рублей серебром) был приобретён земельный участок на правом берегу Сены. Одновременно в Петербурге нескольким известным зодчим был сделан заказ на проект будущего храма. Победителя конкурса должен был определить лично Александр II. Высочайший выбор пал на проект, подготовленный старшим архитектором Придворной конторы профессором Р. И. Кузьминым. Государь понял и оценил двуединый замысел архитектора. С одной стороны, Кузьмин стремился создать проект церкви, легко узнаваемой всяким русским, приехавшим в Париж, а с другой — «гармонично вписать её в окружающую застройку западноевропейского города, не дразнить французов», что «было достигнуто путём эклектичного сочетания черт русского, византийского и романского зодчества»⁸.

Вслед за утверждением проекта Кузьмина начался сбор средств на строительство храма. Первый взнос, как и следовало ожидать, сделал Александр II, пожертвовавший 50 000 рублей серебром (более 200 000 франков) из личных средств. Его примеру последовал Святейший Синод, выделивший аналогичную сумму, а также другие члены императорской фамилии. Так, сестра государя, великая княгиня Мария Николаевна, пожертвовала на строительство храма 1000 рублей серебром. В сборе средств приняли участие представители разных сословий и общественных слоёв — столичной аристократии, служилого и поместного дворянства, купечества.

Собранные по России денежные средства аккумулировались в департаменте хозяйственных и счётных дел МИД, пересылавшем их в Париж на имя протоиерея Иосифа Васильева. Так, только в октябре 1859 года из Петербурга в Париж было перечислено 3 883 полуимпериала, что в пересчёте составляло 19 997 рублей 45 копеек серебром. Столь крупные пожертвования сочетались с менее

значительными. 26 ноября того же года «с оказией переправлено в Париж 170 голландских червонцев и 1 рубль 33 копейки, составляющих на серебро 500 рублей»⁹. 11 июля 1860 года, как значится в департаментском документе, «собранные от разных лиц 3 тысячи серебром» были «разменены» в Главном Казначействе на 582 полуимпериала и выданы статскому советнику Кузьмину, старшему архитектору Придворной конторы, отправлявшемуся в Париж для осуществления контроля за строительством храма¹⁰.

Автор проекта трижды наведывался в Париж с этой целью — в 1858, 1859 и в начале 1861 года. Строительными работами на месте руководил академик архитектуры коллежский асессор И. В. Штром. Роспись храма была поручена академиком исторической живописи Александру Бейдемону и Павлу Сорокину. Последнего консультировал его брат, тоже известный живописец Евграф Сорокин.

Добровольные пожертвования на строительство охотно делали и русские, проживавшие во Франции, в первую очередь сотрудники дипмиссии. Все они сдавали или пересылали деньги непосредственно отцу Иосифу, который в свою очередь передавал их в комитет построения православной русской церкви в Париже, образованный в 1857-м при посольстве. Именно этот комитет осуществлял все расчёты с подрядчиками и отчитывался перед МИД, «на балансе» которого находилось строительство, а в дальнейшем — и сам храм. В АВПРИ сохранилось немало финансовых документов и расписок в получении и расходовании средств. В одной из таких расписок, датированных 27 марта 1861 года, читаем: «Получено от о. Иосифа Васильева от дарителей 2000 рублей серебром, т. е. 388 полуимпериалов»¹¹.

Сам же о. Иосиф, как следует из архивных документов, едва сводил концы с концами. Граф Киселёв неоднократно просил МИД о повышении жалования самоотверженному священнику. В одном из обращений на имя товарища министра И. М. Толстого, замещавшего Горчакова, находившегося в отпуске, он напомнил, что за пятнадцать лет служения отца Иосифа в Париже жалование последнего (1904 рубля серебром в год) оставалось неизменным. Тем временем жизнь во французской столице за эти годы подорожала едва ли не вдвое, а семья отца Иосифа умножилась за счёт родившихся здесь детей. Киселёв просил увеличить денежное содержание настоятелю посольской церкви хотя бы на 1100 рублей¹².

Увы, к его просьбам в Петербурге остались безучастны, предложив минимизировать приходские расходы. «Вследствие отношения Вашего сиятельства от 16/28 мая, имею честь уведомить, — писал в ответ Толстой, — что при всём желании сделать Вам, милостивый государь, угодное, Министерство иностранных дел не может ходатайствовать в настоящее время об увеличении содержания протоиерея посольской церкви нашей в Париже Иосифа Васильева, так как по Высочайшему повелению для Министерства определена норма расходов, из которой оно не может выходить ни под каким предлогом, и притом, при увеличении содержания священников парижской церкви, по случаю возвышения цен на жизненные потребности, пришлось бы увеличить по тому же случаю жалование священников и при других наших миссиях, чего, при настоящем состоянии финансов, невозможно и требовать.

Но, принимая в уважение, что при парижской церкви положено по штату два священника, покорнейше прошу Ваше сиятельство почтить меня уведомлением, не изволите ли Вы признать возможным место второго священника упразднить; в таковом случае можно было бы ходатайствовать об увеличении содержания протоиерея Васильева тем жалованием, которое положено по штату для второго священника»¹³.

В перспективе предстоящего открытия нового храма, значительного расширения прихода и его активности ни посол, ни отец Иосиф не могли согласиться на предложение товарища министра. Протоиерей Васильев с достоинством продолжал нести свой

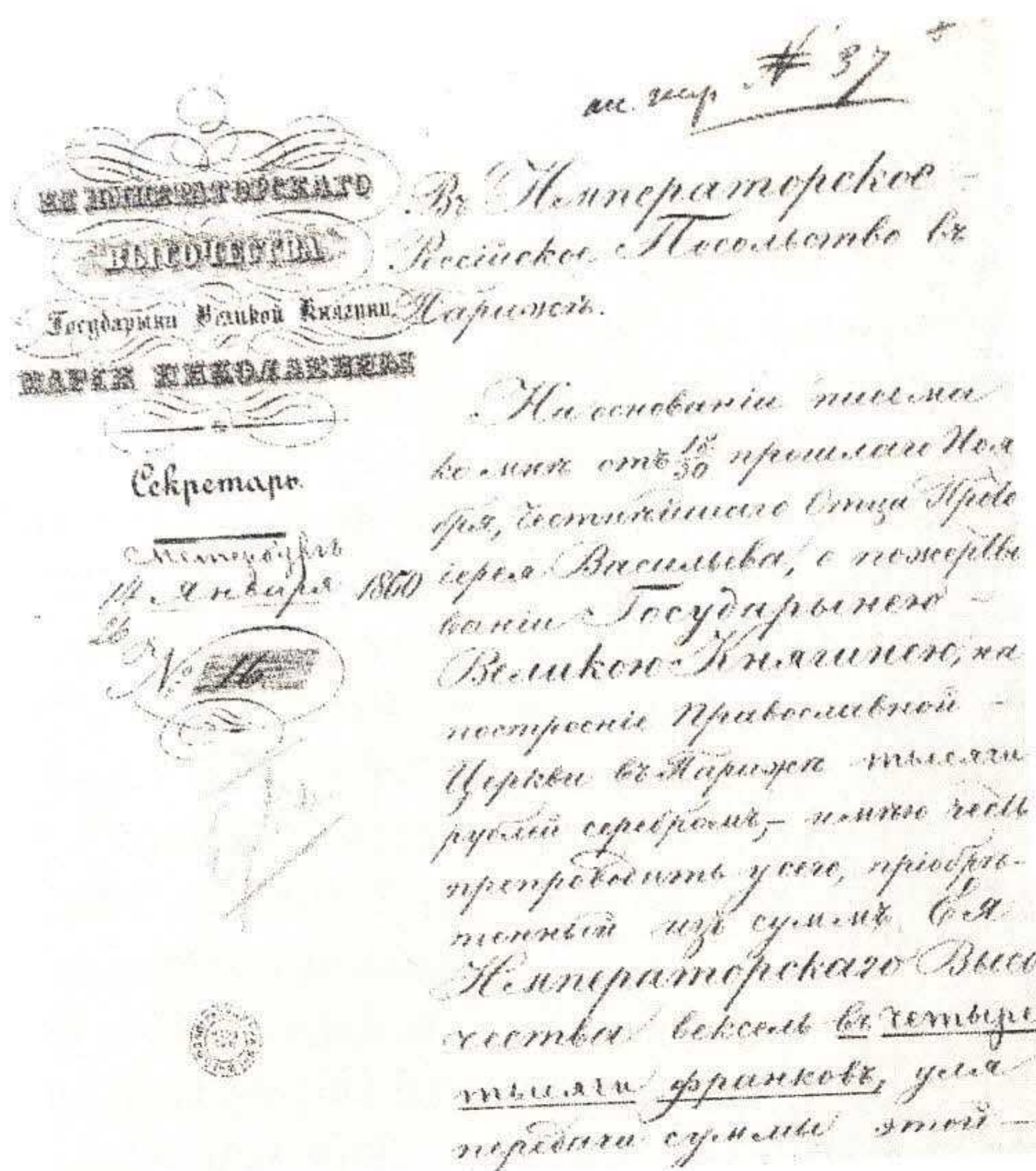
крест. Одновременно он был фактическим руководителем комитета построения нового храма, где время от времени возникали противоречия, которые он умело сглаживал, пользуясь полной поддержкой Киселёва. Так, весной 1861 года отец Иосиф предложил заместить вышедшего из Комитета генерал-майора Константинова 1-го поручиком артиллерии Сергеем Петровичем Сушковым, который, «с сердечным участием в христианском деле соединяет ту выгоду, что весьма редко отсутствует из Парижа, а потому обещает содействие постоянное»¹⁴.

Работа по строительству нового храма шла споро, и уже в мае 1861 года отец Иосиф сообщил послу: «Созидание православной русской церкви в Париже приходит к окончанию. Каменная отделка совершена, иконостас и иконы налицо, купол украшен иконописанием. Остаётся сделать иконописание на стенах; не будучи необходимым, это однако ж будет кончено к концу августа сего 1861 года. При таком положении дел, — продолжал отец Иосиф, — желательно освятить новоустроенный храм 30 августа, тем более что на этот день падает храмовый праздник и Тезоименитство Государя Императора Александра Николаевича. Если Вашему сиятельству благоугодно принять это мое предложение, то я покорнейше прошу об увольнении меня в Россию на один месяц для получения актиминия и распоряжений, необходимых для сего радостного события»¹⁵.

Получив одобрение посла, отец Иосиф отправился в путь, а вслед ему в Петербург на имя И. М. Толстого была отправлена телеграфная депеша следующего содержания: «Находя со своей стороны совершенно удобным разрешить отцу Иосифу проезд в Россию по изъяснённому им поводу, я имею честь уведомить о том Ваше превосходительство и при этом покорнейше просить Вас, милостивый государь, почтить меня по телеграфу о том, что будет постановлено относительно этого дела»¹⁶.

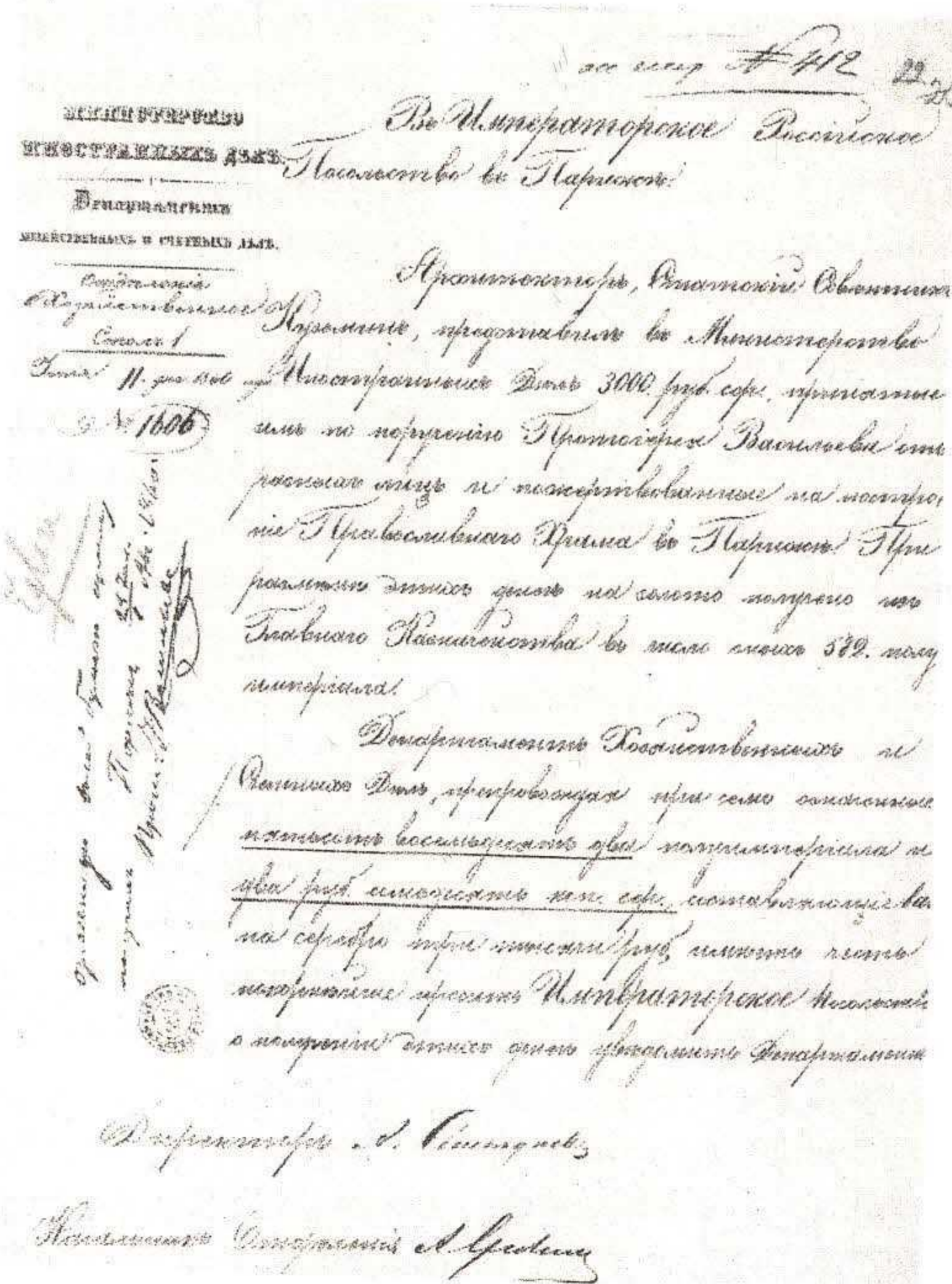
В Петербурге отец Иосиф обговорил все детали предстоящего освящения возведённого в Париже храма и в июле 1861-го вернулся обратно. А 17 августа из МИД России в парижское посольство ушло извещение: «Исправляющий должность Обер-Прокурора Св. Синода [князь Урусов] уведомил Министерство Иностранных Дел, что для освящения 30-го сего августа православного храма в Париже командирован из Санкт-Петербурга по Высочайшему повелению преосвященный Леонтий, епископ Ревельский с причтом. Вместе с сим князь Урусов просил о командировании к тому же времени в Париж для совокупного священнодействия некоторых из заграничных священнослужителей наших. Князь Урусов присовокупил, что на путешествие этих лиц сумм из Министерства Иностранных Дел не потребуется».

Вследствие сего и по соглашению с князем Урусовым сделано распоряжение о командировании в Париж архимандрита Римской церкви Палладия, протоиереев Висбаденской церкви Янышева и

Извещение двора вел. кн. Марии Николаевны (14 января 1860 г.) о пожертвовании 4 тыс. франков на строительство храма (АВПРИ).

Отношение из Департамента хозяйственных и счётных дел МИД от 11 июля 1860 г. в Посольство России в Париже о пересылке пожертвований на строительство церкви (АВПРИ).

Женевской — Петрова, и диакона Веймарской церкви Оглоблинского, которым и дано по сему случаю из Министерства разрешение»¹⁷.

По согласованию между Синодом и МИД было решено освятить возведённый в Париже храм в память Святого Благоверного князя Александра Невского в день тезоименитства государя императора Александра II — 30 августа (11 сентября по новому стилю) 1861 года.

Накануне этого праздничного события посольство России разослало именные приглашения отдельным лицам из окружения императора Наполеона III, представителям парижского бомонда, членам дипломатического корпуса — всего 400 штук. Разумеется, к участию в освящении храма были приглашены русские подданные, находившиеся в Париже.

К началу литургии, назначенной на 10 часов утра, вокруг храма собралось около 6 тысяч человек. Наполеон III был представлен министром двора маршалом Вейяном, первым камергером двора графом Бьякьочи и префектом парижской полиции Буателем. Среди приглашённых находились и другие сановники Второй империи, а также члены Института Франции, представители католического духовенства, редакторы ведущих парижских газет и журналов. Всех их перед входом в храм радушно встречали граф Павел Дмитриевич Киселёв и сотрудники посольства.

В числе именитых русских были замечены граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский, бывший генерал-губернатор Восточной Сибири; граф Дмитрий Андреевич Толстой, тогдашний товарищ министра внутренних дел, а в недалёком будущем — министр и обер-прокурор Св. Синода; Сабуров, главный распорядитель императорского двора; тайный советник Скрипицын, бывший директор департамента по делам иноверных конфессий в России; другие важные персоны.

По окончании литургии и молебна двери храма оставались открытыми до вечера, чтобы все желающие могли здесь побывать. А граф Киселёв тем временем пригласил к себе на обед участвовавших в службе священнослужителей и наиболее именитых соотечественников — всего 46 человек. «Освящение совершилось 30 августа 1861 года в высокаторжественный день Тезоименитства Государя Императора. Работы продолжались два года шесть месяцев. Расходы большею частью покрыты; немного того осталось»¹⁸, — сообщал посол князь Горчакову. О расходах, а точнее, перерасходах на строительство — речь впереди. Пока же все пребывали в приподнятом настроении.

В том же сообщении Киселёв отметил заслуги отца Иосифа и других лиц, причастных к завершению строительства храма, и поставил вопрос об их награждении. «Долгом считаю представить ныне некоторые соображения, касающиеся до возведения сего храма, и обратить милостивое внимание Государя Импера-

тора на главных соучастников в сём истинно христианском деле»¹⁹, — писал граф Павел Дмитриевич.

В январе 1862 года посол получил с курьером письмо и посылку от министра двора графа Владимира Фёдоровича Адлерберга. В письме говорилось: «Г. Министр Иностранных Дел, во время нахождения моего в заграничном отпуску, в сентябре месяце сего года, сообщил генерал-адъютанту графу Адлербергу 2-му [Александр Владимирович, сын министра, близкий друг Александра II. — П. Ч.] о ходатайстве Вашего сиятельства касательно награждения лиц, участвовавших в сооружении Православной Церкви в Париже.

По собрании надлежащих о сих лицах сведений, я имею счастье представить ныне Государю Императору по означенному ходатайству Вашему всеподданнейший доклад мой, и Его Величество, удостоив оный своего рассмотрения, Всемилостивейшее повелел произвести Старшего Архитектора Придворной Конторы, статского советника Кузьмина в чин действительного статского советника, а прочим лицам изволил пожаловать: протоиерею упомянутой церкви Иосифу Васильеву бриллиантами украшенный наперсный крест; академику архитектуры, коллежскому асессору Штрому, академикам исторической живописи Сорокину и Бейдемани и французским подданным — главному производителю работ по постройке означенной Церкви Гардуигу и архитектору-эксперту Буржуа-де-Ланьи ордена: первым двум — св. Анны 3-й степени, а последним — св. Станислава той же степени; старшему приказчику производителя работ Эмилю Лекоку и каменных дел мастеру Георгию Денату — медали для ношения на шее на ленте ордена св. Станислава: первому — золотую, а последнему — серебряную; художникам же исторической живописи XIV класса Фёдору Бронникову, Павлу Сорокину и Михаилу Васильеву — подарки из Кабинета в 500 р. сер. каждому.

Сообщая Вашему сиятельству о сих монарших милостях и препровождая следующие означенным лицам: наперсный крест, 5 орденских знаков с грамотами, две медали и три подарка, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, о получении оных меня уведомить и сделать распоряжение об истребовании и доставлении в Капитул орденов, следующих с гг. Штрома, Сорокина и Бейдемани единовременных пожалованию им орденов денег: с первых двух по 20 р., а с последнего 15 р., всего пятидесяти пяти р. сер. К сему нужным считаю присовокупить, что о производстве г. Кузьмина объявлено в Высочайшем по Министерству Императорского Двора приказе и что о всех означенных пожалованиях извещён мною и г. Министр Иностранных Дел»²⁰.

Здесь необходимо одно пояснение. В Российской империи действовало правило, согласно которому всякий, награждённый орденом, обязан был оплатить государству денежную стоимость изготовления той или иной награды. Исключения делались только при награждении иностранцев, освобождавшихся от уплаты. Кстати, такое же правило до сих пор действует в ряде государств, в частности во Франции.

Вскоре после завершения праздничных мероприятий отец Иосиф как один из руководителей Комитета построения храма св. Александра Невского представил Киселёву финансовый отчёт о расходовании средств, собранных на строительство (всего — 1 млн 146 тыс. 376 франков 27 сантимов). Из отчёта следовало, что обнаружился перерасход, и заказчик, то есть посольство России и церковный приход,

остался должен подрядчику и строителям значительную сумму — 227 857 франков 43 сантима²¹.

«Протоиерей Иосиф Васильев, — докладывал Киселёв Горчакову, — возлагает вину подобного исхода на главного архитектора г. Кузьмина и строителя церкви, академика Штрома.

Я полагаю излишним входить в подробное разбирательство этого дела, — продолжал посол. — Храм сооружён добровольными приношениями, возбуждает общие похвалы. Вопрос заключается в том, каким образом погасить остающийся долг. Из суммы 227 857 фр. протоиерей Васильев надеется собственными [приходскими] средствами постепенно уплатить около 93.000 и выражает надежду, что наше Правительство возьмет на себя уплату остальных 134 000.

В пользу этого домогательства можно привести, что кроме нравственной выгоды, извлекаемой нами из устройства православной церкви в Париже, Правительство наше избавляется внесением означенной суммы от ежегодного пособия 20 000 фр., которое было выдаваемо на помещение причта и часовни.

Вследствие того, экономический расчёт подтвердил настоящую просьбу протоиерея Васильева, и долгом поставлю обратиться на неё особое внимание Императорского Министерства в полной надежде на его справедливое решение»²².

В Петербурге с пониманием отнеслись к этим доводам и не стали проводить ревизию о перерасходе средств при строительстве храма, тем более что переезд причта из наёмных квартир в два дома, выстроенные по обе стороны храма, обещал со временем очевидную экономию для бюджета МИД. На исходе октября 1862 года Киселёв получил от Горчакова письмо: «Милостивый государь, граф Павел Дмитриевич! Вследствие отношения Вашего сиятельства от 23 сентября/5 октября, я имел счастье входить с всеподданнейшим докладом Государю Императору о принятии на счёт казны передержанных против сбора добровольных пожертвований ста тридцати четырёх тысяч франков по постройке православного храма в Париже.

Его Императорскому Величеству благоугодно было в 9-й день сего октября [старого стиля] изъявить на сие Высочайшее соизволение, о чём имею честь уведомить Ваше сиятельство»²³.

На этот раз тяжёлая бюрократическая машина Российской империи сработала на удивление быстро. Уже на следующий день, 10 октября, требуемые 134 тысячи франков были переведены Министерством финансов на счёт посольства в Париже. Оплата задолженности должна была быть произведена в несколько приёмов до 30 октября 1863 года. Первый, как бы мы сейчас сказали, транш в сумме 50 500 франков был проведён 20 декабря 1862-го²⁴.

Параллельно в Париже отец Иосиф собирал пожертвования, которые продолжали поступать в адрес комитета постройки храма. В архиве сохранилось много документов на этот счёт. Упомяну лишь некоторые.

20 июля 1862 года из Петербурга был отправлен вексель на сумму 2435 франков 17 сантимов²⁵. 12 сентября того же года из Хозяйственного управления Св. Синода в МИД было доставлено 25 рублей серебром, «пожертвованные подполковником Аполлоном Ивановым Орловским на построение православной церкви в Париже»²⁶. 5 октября из Синода в МИД поступило 89 полуимпериалов и 4 рубля 71½ копейки серебром на имя протоиерея Васильева²⁷.

Фрагмент письма о. Иосифа графу П. Д. Киселёву от 9/21 мая 1861 г. Автограф. (АВПРИ).

